

Вячеслав Сазанович

Иероглиф слова «Счастье»

Издательские решения
По лицензии Ridero
2019

УДК 82-1
ББК 84
С14

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Сазанович Вячеслав

С14 Иероглиф слова «Счастье» / Вячеслав Сазанович. — [б. м.] :
Издательские решения, 2019. — 108 с.
ISBN 978-5-4496-5132-7

Человек, у которого с рождения все хорошо, у которого все легко получается, не может понять смысл слова «Счастье». «Счастье» — это следствие победы над проблемой, над несчастьем. Без несчастья счастье не является.

Вашему вниманию предлагается четвертый авторский сборник стихотворений Вячеслава Сазановича.

УДК 82-1
ББК 84

16+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Вячеслав Сазанович, 2019
© Изabella Сазанович, дизайн
ISBN 978-5-4496-5132-7 обложки, 2019

Я САМ НЕ ЗНАЮ

Зашел я в парк и онемел
От сотен елочных улыбок,
И от того, что ниц присел
Фонарь под блеском тонких липок.

Под каждый шаг скрипит слегка
Тропы отзывчивая флейта,
И тянет ивы мне рука
Листками вытканную ленту.

Ручей волнуется, звенит,
Блестит улыбкой белозубой,
А над ручьем мосток висит,
Двух берегов сближая губы.

Клубясь комками, невпопад,
Туман неспешно нарастает,
И он мне тоже очень рад,
А почему — я сам не знаю.

АЛЫЙ СЛЕД ОТ ГУБНОЙ ПОМАДЫ

Зимний день стал у нас коротким,
Три часа, а уже темнеет.
Ветер снег выбивает плеткой
Из замерзших седых растений.

Запахтел во дворе прохладном
Жигуленок с наклейкой «Лада».
В глубине полосы заката
След алеет губной помады.

Ну, а где-то, на дальнем юге,
Несомненно, и день длиннее.
И без воя настырной вьюги
Там, на юге, сейчас теплее.

Ходят люди вдоль кромки моря,
Ходят в сланцах, а не в ботинках.
К ним с тяжелой волны прибоя
Водяные летят пылинки.

Там жара, а у нас морозы.
Там муссоны, у нас метели.
Там грохочут под молнии грозы,
А у нас спят под снегом ели.

Юг и север — погода контрастна.
Но и общее видится все же —
Тут и там, если день прекрасный,
Будет вечер прекрасным тоже.

И на юге далеком скоро
Тоже будет черта заката
Опьянять, улыбаясь, взоры
Алым следом губной помады.

ЧЕМОДАННОЕ НАСТРОЕНИЕ

Утром из шкафа голодный, худой,
Чуточку старый, немножечко злой
Вылез и сел не спеша на диван
Год пролежавший в пыли чемодан.

Ручкой пластмассовой хрипло кивнул,
Молнией скрипнул и громко зевнул.
Есть он хотел. В чемоданову пасть
Начал я пищу различную класть.

Сунул я шорты, носки и футболки,
Сунул с таблетками маленький сверток,
Плавки и сланцы, и щётку зубную,
Книжку потертую, но дорогую.

Много ещё я скормил чемодану
Всякой еды, чемоданом желанной.
Стал он холёный, упитанно гладкий,
С щёчек ушли недовольные складки.

Спать скоро лягу, и утром туманным
Выйду на улицу я с чемоданом —
Он согласился поехать со мною
В отпуск, на южное жаркое море!

С тобой под вечер шалаш-палатку
Поставим рядом с морской чертой.
Я знаю место. Там камни гладки.
Там дышит пеной густой прибой.

Там звёзды-чайки в ночном полёте
С вершин стремятся слететь в волну.
Там лунный невод сквозь воды бродит
И сонно ищет в них тишину.

Там на рассвете, у горизонта,
Вскипает море само собой.
И с моря в небо уходит солнце,
Лучей рождая слепящий рой.

У кромки водной шалаш-палатку
Под вечер вместе мы развернем,
И там, на камнях от пены гладких,
Всё, в чём нуждались с тобой, найдём.

НА ЛАВКЕ В ПАРКЕ

На лавке в парке сидела пара.
Им хорошо!
Луна огромным, далеким шаром
Жгла серебро.

В краю цикадном, в тени акаций,
В полночный мрак
И обниматься, и целоваться
Им сладко так.

И я когда-то на этой лавке
Сидел с тобой.
И восхищались мы тоже жарко
Хмельной луной...

АНТАРКТИДА

На южной окраине шара земного
Имеется место покоя сплошного.
Там холодно, да, и колючие льдины.
В сугробах вдоль берега мерзнут пингвины.

Суровое место, без леса и пастбищ,
Без скверов зеленых и бабочек даже.
Там лежа в шезлонге загар не поймаешь,
Бруснику с грибами не насобираешь.

Там пусто... поэтому очень просторно!
И снег, как в Сибири, искрится задорно.
Там день растянутся на месяцы может,
И ночь тоже длительно звезды ворошит.

На глобусе — копии тела земного —
Не сыщешь нигде больше место такого.
Пускай без палящего, жаркого зноя,
Но все-таки очень сплошного покоя!

Не считай ты меня несерьезным.
Ну подумаешь, рухнул в сугроб.
Но зато в полдень выглядел звезды
И кометы дрейфующей боб.

Я заранее знал, что промажу,
Запуская в тебя снежный ком.
Не попал ведь? Не надо так сразу
Называть меня вслух дураком.

Не такой я, но здесь, на морозе,
В день, что выдался столь удалым,
Невозможно быть очень серьезным
И на глупые мысли скупым.

И затеи мои нестабильны
Столь активно, что сам стал не свой,
От того, что люблю тебя сильно,
От того, что сейчас я с тобой.

МОРОЗНАЯ БЕССОННИЦА

Тяжелá сегодня на подъем луна.
В синеве морозной, грузная она
Выползла на крышу, придавив чуток
Животом огромным шифера кусок.

Холодает так, что воздух загустел,
Убелив березкам ветки между дел.
Ночь ползет, и стынет молча тишина.
Вверх ушла сквозь иней с шифера луна.

И ее далекий неспешащий ком
Смотрит сквозь окошко на меня блином.
Ну, и как смогу я под ее теплом
Позабыться долгим безмятежным сном?

Почему по просторной степи
Я иду на ветру индевея?
Потому что изъял из груди
Свое сердце и выдал тебе я.

Пальцы стынут, мороз по пути
Пробирается в тело сквозь кожу.
Есть одна, кто способна спасти —
Только ты меня выручить сможешь.

Поспешి тоже сердце отдать
Ты свое мне на вечные веки.
С ним смогу непременно я стать
Теплокровным опять человеком.

А иначе себе я найду
Леденящую смерть — да и только.
Тихо рухну. И с глаз пропаду
Под покровом из снежных осколков.

ПИШИ!

В неделе пять рабочих дней,
Что по себе не так уж мало.
Хочу, чтоб ты рукой своей
Мне в буднях длительных писала.

Ведь есть обед и есть на чай
Хотя бы пара перерывов —
Пиши, пиши мне, — выручай! —
О чем угодно, хоть о сливах.

Немного слов, немного строк —
Мне моментально станет легче.
Я их как сладкий съем пирог
И обязательно отвечу!

В неделе пять рабочих дней,
Пять сроков долгих и тревожных.
Я жду! Я жду! Пиши скорей!
И лучше чаще, если можно.

Вечер. Подморозило
Все, что днем растаяло.
Что ж ты меня бросила,
Одного оставила?

Я стою, мне холодно,
Стужа пробирает.
Снег в ледышку сколотый
Оловом блистает.

Завтра несомненно мы
Здесь же повстречаемся
И по снегу тленному
Вместе прогуляемся.

И от ласки голоса
Милого, родного,
Все, что подморозило
Таять будет снова.

День морозом острым жарит,
Пар дыханьем так и шпарит!
Снег рассыпчатый хрустится,
К теплотрассам жмутся птицы.

Ходят люди – не стойтся,
Пальцы стынут, рдеют лица,
Ни ушей, ни шей не видно
Из-под шубок монолитных.

В бирюзе сияя ясной
Солнце слепит взор алмазно.
И воздушно-лебединый
Всюду липнет свежий иней!

Долго город холод зимний
Звал с небес к себе в низину,
Да так лихо потрудился,
Что аж взял и заискрился!

Стало резким все и четким,
Исцелен уставший глаз.
Мне желается в охотку
Обнимать людей сейчас!

Сердце гулко торжествует,
Наслаждается собой.
Тень в сугробе столб рисует
Васильковой полосой.

Воробьи кругом щебечут,
Из ноздрей клубится дым.
Все, что было столь далече,
Стало близким и родным!

Что случилось — я не знаю! —
Просто иней бархатист,
Просто солнцем день пленяет,
Словно песней гитарист!

Я жду весеннюю грозу,
Как воробьи кусочки хлеба.
Хочу почувствовать слезу
Электризованного неба.

Хочу активных перемен
От импульсивных потрясений –
Упавший ниц, вставай с колен,
Без раболепственных сомнений!

Сверкнет огонь, ударит гром
По наковальне сталью хлестко!
И унесутся прочь, бегом,
Зимы недавней отголоски.

С грозой надежная весна
В дома войдет бесповоротно.
И пробужденный ото сна
Легко задышит, и свободно!

ТОЛКАТЕЛЬ ПРОГРЕССА

Ошибка! Не вечность прошла, а минута.
Здоровье искал, а явилась простуда.
Я думал оскал, оказалась улыбка.
И слухи внушенные – тоже ошибка!

Казалось, что злость – оказалось, что радость.
Решил, будет вкусно. Куснул, понял – гадость.
Налево свернул вместо правой дороги.
Стремился к дворцу, а подкрался к берлоге.

Отрезок чертил, получилось коряво.
Варил эликсир, а сварилась отравка.
Горшочек с подсохшей землей стало жалко,
А утром над ним распустилась фиалка!

Ошибки повсюду... Но вдуматься если,
Они и толкатель земного прогресса.
И тот, кто ошибки свои понимает,
Тот много в жизни достичь успевает!

ЗАВИСИМОСТЬ

Кто-то зависим от неба,
Кто-то зависим от хлеба,
Кто-то — от свежего мяса,
Кто-то — от нефти и газа.

Кто-то подсел на акции,
Кто-то — на фальсификации,
Кто-то — на яркие фантики,
Кто-то — на тайны галактики.

Кто-то зависим от сказок,
Кто-то — от масляных красок,
Кто-то — от танцев с экспрессией.
А я же — от мира поэзии!

Мир этот ярок и звонок,
Мир этот скромн и тонок,
В нем совмещается светлое небо
С корочкой белого свежего хлеба!

ПАКТ

Как по маслу скользят слова,
За строкою строка несется.
Два часа – и уже глава,
Через день – том второй начнется.

Заклучили мозги мои
Пакт с душою о «дружбе вечной» –
От того-то слова легки
И на лист так спешат беспечно.

А пока этот мир живой
Надо пользоваться удачей –
Завершать два часа главой,
Через день, чтоб том два был начат.

Как бы не был бы крепок мир,
Но разрушится он войною.
И не могут всегда мозги
Со своею дружить душою.

И упрутся в забор слова,
Не осилив пространства малость.
И не выскажет суть глава,
Потому что перо сломалось.

Набор огромный ты знаешь слов
И кучу формул умеешь вспомнить.
Но разум в недрах твоих мозгов
Совсем Создатель забыл оформить.

Сияешь медным, широким лбом
И осознать им совсем не хочешь,
Что жизнь не «красный» тебе диплом
И не цепочка учебных строчек.

Людей попроще гнобить мастак,
И дураками ты их считаешь.
Но дело в том, что ты сам дурак,
Но только это не понимаешь.

Не лез бы в ток ты житейским судьб
Знакомым с детства законом Ома.
Еще добавлю, не обессудь,
Что лучше чаще сидел бы дома.

И так немало ты натворил
Под идеальный поток из формул.
И так немало идей убил,
И дел в расчетах своих угробил.

Чайник, уют, плита,
Тостер, микроволновка,
Печка, сковорода,
Бойлер, свеча, духовка.

Много ль они тепла
Могут нести с уютом,
Если судьба нашла
В жизни себе простуду?

Холод в груди засел,
Снег припорошил мысли —
Кто б теперь их ни грел,
В этом не будет смысла.

Чайник давно испит,
Тихо погасла свечка,
Тостер об стол разбит,
Треснула в прошлом печка.

ЗАКАЛКА

Я тебе не свинца кусок,
Чтобы мяться подобно глине.
И меня не свернуть в кольцо,
Как податливый алюминий.

Я не гру́да сырой руды
И давно уже не болванка,
Обработан резцом судьбы
И закован в горниле жарком.

Ты и думать совсем не смей
Планомерно, и днем, и ночью,
И настырно рукой своей
Подвергать меня переточке.

Брось напильники и наждак,
Не поддамся твоей обработке.
А иначе совсем никак
Не ужиться в одной нам лодке.

А иначе, ну хоть на дно,
Но уйду, глаз немного щуря.
Будет больно слегка, зато
Облик свой сохранить смогу я.

Ой, держите меня восьмером!
Семерых на удержку не хватит.
А иначе я преданным псом
Ткнусь в ее разноцветное платье.

А иначе возьму и совсем
Рассвирепствуюсь к ней прижимаясь.
Любопытственно станется всем,
Кто же это сидит там такая.

На земле этой очень впервой
Мне в нее приключилось влюбиться...
А потом огневою водой
Захотелось жестоко напиться.

А потом... А, что было потом?
А потом были долгие сутки,
Солнце в них проползало комком,
Заменяясь луной неудобной.

Но мечтал, иногда, я тайком,
Вновь в своем ее выявить взгляде...
Ой, держите меня восьмером!
Семерых на удержку не хватит.

ЕСЛИ Б НЕ УВИДЕЛИСЬ С ТОБОЙ

Если б не увиделись с тобой,
Ты бы так, мечта, не горевала.
И во взгляд сияющий бы твой
Ни за что тоска бы не попала.

А еще в грустинках твоих глаз
Вижу и торжественность от встречи...
Если б не увиделись сейчас,
То и позабылся б этот вечер.

Ты сидишь, пытаюсь не гореть,
Не дрожать, желаньем выдаваясь.
Да я стараюсь не посметь
Вспомнить, как с тобою обнимаюсь.

Ты сидишь, пытаюсь быть другой,
Незнакомой, чуждой и далекой...
Если б не увиделись с тобой,
Это было очень бы жестоко.

ПО ПРИВЫЧКАМ...

По привычкам, несомненно,
На земле удобно жить.
Ждать привычной перемены,
Чем их в жизни воплотить.

Павлов выдумал собаку
С выделяемой слюной —
Над судьбой нам легче плакать,
Чем заведовать судьбой.

Но зато всё постоянно,
Думать некогда, зачем
Просыпаясь утром ранним
Регулярных ждем проблем.

По командам, рефлексивно,
Как-то проще жить теперь.
Без побед пусть. Пусть пассивно.
Но зато и без потерь.

Кровь потекла из надбровья.
Где же так зацепился,
Где же так приложился
В этой дороге лбом я?

Вроде, шагаю верно,
Не мотыляясь тряпкой.
Но, почему так зябко?
И почему так скверно?

В душу вошли сомненья.
Может, не той дорогой
Топаю я и долго
Свет закрываю тенью.

Путь замутнился дальше
Старой, подгнившей гатью.
С гати могу упасть я.
Но ведь не отступить же?

Должен ведь дошагать я,
Раз в путь решил пуститься —
Только б не заблудиться,
Только б не затеряться...

Я еще не надышался, не вели мне уходить,
Перестань ты об уходе постоянно говорить.

Я еще не посмотрелся, не скрывай свои глаза,
Как бы ты б не намекала, в них не прячется гроза.

Не наслушался твой голос, не дощупал пальцы рук,
Не почувствовал сердечный столь упругий громкий
стук!

Обещаю, я исчезну. Обещаю, я уйду.
Не накликаю ни горя, ни проказницу беду.

Только прежде, чем я скроюсь за замком твоим
дверным,
Ты мечтам хоть на мгновенье дай исполнится моим!

ИЕРОГЛИФ СЛОВА «СЧАСТЬЕ»

Вращаясь в воздухе пружинкой
В изящной шубке меховой
Сегодня первая снежинка
Замельтешила над землей.

Она так весело порхала!
При этом, словно бы шутя,
Непревзойденно облетала
Иголки мелкого дождя.

Она свернула от ненастья,
Ушла в виток очередной.
И иероглиф слова «Счастье»
Вписался в воздух сам собой.

Потом она, в порыве смелом,
Сложив два призрачных крыла
На землю радостно присела...
И незаметно умерла.

ВАРЕЖКИ

Стряхнула варежки рябина
С переплетения кистей.
Ей с высока надежней виден
Отряд весенних журавлей.

Разлив реки в бассейн огромный
Преобразил собой луга.
В нем захлебнулись, безусловно,
Поднадоевшие снега.

Сейчас бы снять пальто, но рано,
Тепло обманчиво еще —
То тень закроет свет коварно,
То ветер носом ткнет в плечо.

Но все же день сегодня дивный
И дней недавних чуть светлей,
И гул несется над рябиной
От эскадрильи журавлей.

КАРАНДАШНЫЙ НАБРОСОК

Планы людей — карандашный набросок,
Легкий эскиз из теней и полосок.
Кисти берутся, когда эти планы
Входят в судьбу, развернувшись экраном.

Каждый потом для себя сам решает,
Что здесь раскрасить, а что здесь мешает.
Ластик стирает, что было тревожным,
Глаз же, колор подбирает возможный.

Ну, а потом, не спеша, постепенно
Краски ложатся на холст ежедневно.
И из фантазий, лихих и былинных,
Новая в свет проникает картина!

Если же где-то возникло сомненье,
Дрогнуло кисти в руках оперенье,
Капля не там, где ей нужно, упала,
Значит картина исчезла, пропала.

Значит набросок пора делать свежий,
Вновь заточить карандашевый стержень.
Если откажешься, скажешь, что сложно,
Значит погиб в тебе жизни художник.

Я ступенек себе напилю из поленницы,
Вколочу между брусьев огромнейшей лестницы,
А потом прислоню ее к белому облаку –
Мягкотелому, чистому, теплomu, легкому.

Я наверх заберусь на перину небесную,
Взглядом вскользь пробегаю по воздушной
окрестности,
И на пух упаду, руки выставив в стороны –
Станет мне хорошо, станет мне очень здорово!

НЕБЫВАЛАЯ КРАСА

В нашей маленькой деревне —
Боже, что за чудеса! —
Появилась вдруг царевна,
Небывалая краса!

И за ней образовался
Деревенский хвост парней.
Каждый сердца добивался
И руки себе у ней.

Не отдал я им царевну,
Взял полено и вразмах
Надавал парням поленом
У царевны на глазах.

А потом возвел в деревне
Я просторный светлый дом.
В этом доме мы с царевной
Поселились вдвоем.

И теперь живет со мною —
Боже, что за чудеса! —
Став мне милою женою
Небывалая краса!

ДВУГОРБЫЙ ВЕРБЛЮД ПО ФАМИЛИИ КЭМЕЛ

Двугорбый верблюд по фамилии Кэмел
Бродил по барханам Сахары упрямо –
То с запада шел, не спеша, он к востоку,
То с Красного моря тянулся в Марокко.

На север и юг его ноги несут,
И ищет чего-то в пустыне верблюд.
Он был в городах Касабланка, Танжер,
Сквозь зной Алжир прогулялся в Нигер.

Потом через Чад он прошел до Судана,
Оттуда в Египет побрел к Асуану.
Но так и не выискал Кэмел двугорбый,
Того, что в походах искал он упорно.

И нынче в песках по пустыне он ходит,
Под солнцем палящим все бродит и бродит,
И ищет по-прежнему что-то упрямо
В Сахаре верблюд по фамилии Кэмел.

МУРАВЕЙ

— Я плот из березовых веток совью, —
Сказал муравей муравью:
— И громко вам крикну «Гуд бай!» и «Адью!»,
И вниз уплыву по ручью.

Внизу отыщу я волнующий край
С нектаровой, сладкой рекой.
И буду я знать, где скрывается рай,
Где тишь и великий покой.

В тепле и достатке я там буду жить,
Порой, вспоминая про вас.
На пчелах летать, с комарами дружить,
Медовый потягивать квас.

И буду вдыхать ароматы цветов,
В бездонное небо глядеть,
Встречать караваны седых облаков,
И песни веселые петь!

Пока открывал перспективы пути
Для друга лихой муравей,
Успела вода незаметно уйти
И высох звенящий ручей...

Мораль у рассказа сего такова —
Коль хочешь великим прослыть,
Поменьше используй пустые слова,
И делом учись говорить.

ЖЕЛАНИЯ ФЕЙ

Палочкой легкой взмахнувшая фея
Может, что хочешь тебе подарить —
Сладких конфет, шоколадку, печенья,
Куклу, способную вслух говорить.

Хочется платья и туфелек новых?
Фея всё выполнит, лишь попроси.
Хочешь духов непременно бордовых?
Фея способна и их принести.

Феи ведь могут любые желанья
Быстро исполнить для милых друзей!
Только одно нас тревожит незнание —
Кто ж выполняет желания фей?

ИНТЕРЕСНО, РАССКАЖИТЕ

Интересно, расскажите,
Расскажите быстро нам,
Кто же солнце в чистом небе
Разжигает по утрам?

Кто лучи в него втыкает
Золотистой иглой?
Ежедневно заставляя
Проплывать над головой?

Почему оно кружочек?
Не кирпичик, не квадрат?
Почему под ярким солнцем
Серебром ручьи горят?

Жар на землю проливает,
Почему, как из ведра?
В тень деревьев загоняет,
Как, скажите, комара?

Одуванчик одевает
Невесомый легкий пух
Только в ясную погоду
Объясните, почему?

Почему алеет солнце
По утрам и вечерам?
Интересно, расскажите,
Расскажите быстро нам!

КОШАЧИЙ ГРОМ

Повстречались кошка с мышкой,
Вместе вздумали дружить.
Стали вместе есть сосиски,
Молоко из блюдца пить.

Мыли вместе ушки, брюшки,
Лапки, мордочки, усы.
Даже спали вместе дружно,
Друг о друге видя сны.

Но однажды грохнул громко
Гром с грохочущим дождем.
Испугалась кошка грома,
Скрылась быстро под столом.

Там зубами застучала,
Мелко начала дрожать.
Мышка кошку увидала
И пустилась хохотать:

– Испугалась кошка грома!
Ха-ха-ха!
Испугалась грома дома!
Ха-ха-ха!
Ты дрожишь, а я смеюсь!
Ха-ха-ха!
Ой, от смеха разорвуся!
Ха-ха-ха!

Кошка словно онемела,
Быстро кошка побледнела,

Дёрнуть хвостиком успела
И от страха мышку съела...

Не дружите мышки с кошками,
Обходите кошек ножками,
Не простили ещё кошки вам
Смех в тот день гремящий, с дождиком.

ТИГРОВАЯ КОРОВА

На поле утром солнечным
Явилась поохотиться
Тигрово-полосатая
Рогатая корова.

Соперники разогнаны
Рассерженным му-муканьем
От сладкого и сочного
Растительного кушанья.

Сегодня ей понравились
Росточки одуванчиков
И много-лепестковые
Цветочные стаканчики.

Хвостатая, с бубенчиком,
Тигровая корова
Охотилась до вечера,
До ровно полшестого.

А вечером домой пришла,
Почистила рога,
И принесла хозяйшке
Ведро молока.

НОВОГОДНЯ

Ветер свищет, кони мчатся
По ночному снегу поля!
Стали гости собираться
К новогоднему застолью.

На салфетках разгорятся
Строчки лучших из желаний!
Свищет ветер, кони мчатся
С Дед Морозом едут сани!

Бой курантов ход отмерит,
Распахнутся ветром двери,
Дед Мороз ворвется в сени
И устроит всем веселье!

Седины расправив прядки
Он воскликнет гласом твёрдым:
«Эй, девчонки! Эй, ребятки!
Поздравляю! С Новым Годом!»

КРАЙНИЙ ДЕНЬ

Крайний день декабря скоро-скоро уйдет,
И на смену ему с полунóчным кокетством
В фейерверках огней расцветет Новый год!
И припомнится все, что хотелось нам с детства:

Мама с папой, чтоб рядышком были всегда,
Были б новые платья, большие машинки,
Чтоб на верхних бы полках лежать в поездах,
Потому что с них вид в окна очень обширный.

Чтоб известным бы стать, чтоб работать бы тем,
Кем надумал ты сам, а ни кем жизнь заставит,
Чтоб друзей не терять, чтобы кипы проблем
Без труда побеждать, изгоняя в подвалы...

Крайний день не пришел еще к нам декабря,
За окном раззевалось лишь крайнее утро.
Наши детки в кроватках счастливые спят,
Ожидая, как мы, новогоднее чудо.

Пожелать им хочу – пусть добьются они
Наперед всех поставленных жизненных целей,
Пусть свершатся у них их надежды, мечты!..
И чуть-чуть из того, что самим нам хотелось.

ОДА НАУКЕ

Хвала тебе, научная дорога,
За то, что от пустынного порога
Проводишь сквозь соблазны суеты,
Сквозь знания, что девственно чисты,
В тот край, где исполняются мечты!

НОВОСТИ

Нет в возгласах эфирных новостей
Изюминок — ведь все в них повторимо.
Я жду оригинальности вестей
От наземь устремившихся снежинок.

Они открыть на многое глаза
Способны, если слышать их захочешь, —
Об облачных расскажут парусах,
О легкости небесной оболочки.

Поведают о сущности своей.
И правду я узнаю, безусловно,
О судьбах незнакомых мне людей,
Бродящих за изгибом горизонта.

Про свой полет раскроются они,
Про свой подъем — падение я видел,
Про яркие и солнечные дни,
Про тень, что по земле ползла под ними.

И будут, остроносые, галдеть.
И выскажутся, поздно или рано,
О том, чтоб до Сибири долететь
С какого испарились океана.

РОГАЛИК ЭМАЛЕВЫЙ

Спать пора, но не спится, не спится сейчас.
Мысли лезут различные в голову.
С ними я не могу отыскать третий час
Вход в пространство морфейного логова.

Обо всем по чуть-чуть — о железных конях,
О буржуйских коммерческих санкциях,
О ветрах, кораблях, лопоухих ослах,
Оскорблениях и сатисфакциях.

Давит мозг тишина, формируя отчет
О поступках недавно содеянных.
И советы она кропотливо дает,
Сокращая мне ночь преднамеренно.

Я прошу, тишина, дай немного мне сна,
Усыпи разум мой измочаленный...
А за кромкой окна молча скрылась Луна,
Изогнувшись в рогалик эмалевый.

«ШЕДЕВР»

Четыре кляксы, три пятна,
Две полосы застывшей тины —
В чем тайный смысл полотна,
Что называется картиной?

О чем здесь речь, я не пойму?
О стайке зобных доминошек?
Или о том, что лоб ко лбу
Несутся стенка и горошек?

К чему на холст под кучу брызг
Шлепок с кисти упал огромный?
В чем здесь изюминка? В чем «писк»,
С ценой за гранью миллиона?

Глядя в упор в не-натюрморт
И не-портрет, стою бессильно,
И ощущаю дискомфорт
В толпе поклонников картины.

Но получить у них ответ
Я б на вопрос хотел бы нервный —
Ну почему столь явный бред
Вдруг называться стал «шедевром»?

ПОПЛАВКОВЫЕ ДУШИ

Если в грязь ты свободно нырнешь по дороге
И блистая затем на поверхность всплывешь,
И гордиться при этом содеянным сможешь,
Значит, ты с поплавковой душою живешь.

Поплавковые души легко выплывают
Из любой по размерам житейской беды.
Потому что они лишь снаружи сияют,
А внутри и насквозь эти души пусты.

«У каждого свое предназначение
С рождения до вечного забвения», —
Приходят к столь плачевному решению
Пассивно-неподвижные особы.

Иные же, богам на умиление,
В судьбе своей, для личного спасения,
Рисуют сами линии движения...
Но тоже от рождения до гроба.

СКАЗКА – ЛОЖЬ

Я тоже не был кристально честным.
И даже больше – нередко врал.
Слова сквозь призму хрустальной лести
Потоком терпким я пропускал.

И правда – та, что казалась серой,
Устало-мрачной, слегка скупой –
Лучилась ярким, веселым спектром,
Блистая жаркой, густой смолой.

Мы жили в сказке, а сказки лживы,
И в нашей тоже намек сидел –
Раз после сказки остались живы,
То значит сказки не наш удел.

ТЫ НЕ ПОМНИШЬ МЕНЯ

Ты работаешь, гуляешь,
Спать ложишься да встаешь,
Вечерами ты читаешь,
Кофе утром крепкий пьешь.

Сад с цветами поливаешь,
Знаешь все задачи дня,
Ни о чем не забываешь...
Но не помнишь ты меня.

Все что было, то уплыло,
Что явилось, то ушло,
Что кипело – испарилось,
Что гудело – унесло.

И поэтому пристойно
Ты теперь-то так живешь,
И поэтому спокойно
Засыпаешь да встаешь...

Из цветка уходящего времени
Обрывались изломанным веером,
Исчезали, скрываясь в забвении,
Потерявшие ценность мгновения.

А ведь были мгновения новыми,
Были сочными, легкими, чистыми,
Лепестками сияли бордовыми,
Обрамленные крепкими листьями.

Мы словами пустыми и ложными
И делами для счастья ненужными
Ароматный бутон уничтожили,
Обморозили бывшими чувствами.

И посыпались пеплом мгновения
Из цветка уходящего времени,
Пряча мысли изломанным веером
О тебе в тишину и забвение.

ХОТЬ НА КРАЙ ЗЕМНОГО ШАРА

Хоть на край земного шара, ну а можно и за край
Нам с тобой вдвоем уехать – ты возьми, да
пожелай!

Хочешь, в дебри Аргентины, ну а хочешь –
в Туапсе
Мы умчимся, мы уедем прям сегодня насовсем.

Ну а хочешь, замахнемся с переездом на Луну?
Создадим там, на равнинах, нашу личную страну.

Астрономы утверждают, что там легче жить в
шесть раз –
Собирайся в путь-дорогу, выметаю печаль из глаз!

Не грусти, с тобой уедем! Пожелай лишь! Ну!
Давай! –

Хоть на край земного шара! А захочешь,
так за край!

Я ж не пес тебе цепной,
Чтобы преданно служить,
Чтобы бегать вдоль забора
И ограду сторожить.

Не овчарка я, не шавка
И не собственность твоя,
На прохожих громко гавкать
Не заставишь ты меня.

Не могу твои команды
Бесполезные терпеть,
Не могу на задних лапах
Я услужливо сидеть.

Лучше новую хозяйку
Отыщу себе скорей,
Стану ей не псом, а зайкой,
Изменюсь в судьбе своей.

С ней взращу немало деток,
Тихой жизнью буду жить...
Только как бы цепь на клетку
Мне при этом не сменить.

СЛОМАЛСЯ

И самосвал способен во мгновение
Сломаться, угореть от напряжения.
А что же говорить о лошадях?
О маленьких трудягах муравьях?

И сети рвутся в море рыбпромхозные,
Котлы взрываться могут паровозные –
Чем чаще им покоя не даешь,
Тем чаще их к гибели ведешь.

И у меня закончились усилия,
Твоих заданий ворох не осилил я,
Частично их до финиша довел,
Не выдержал, сломался и ушел...

БОРЬБА ЗА ПЛАН

Должен был начертить колотушку для ступки,
А случайно создал галактический спутник.
И немалый причем, а размером с планету,
И способный летать с дикой скоростью света!

Внеземной я проект показал флотоводства,
Ни кому-нибудь там, — самому руководству!
Расписал весь проект до последнего грамма,
Рассказал, как горит в нем фотонное пламя.

Но заткнули мне рот с громогласным упреком,
Что я бездарь пустой, что лентяй, лежебока.
Что я вместо борьбы за свершение плана
Заниматься решил от тоски чем попало.

Наказали меня и понизили должность,
Но вернуться в борьбу дали все же возможность.
Поручили чертить половик мне напольный,
Ну, а мной начертился перпетуум-мóбиль!

Этот новый проект я порвал моментально,
Чтоб никто его вдруг не заметил случайно,
Чтобы больше меня на верхах не ругали
И с работы взащей сгоряча не прогнали!

Катаясь по маленькой точке на глобусе
Билет раздобыл я счастливый в автобусе.
А значит сегодня день будет прекрасным!
Не то, что вчера — непростым и ненастным.

Блестят за окном в лужах улицы города,
Им солнечный луч цену поднял втридорога.
Влетела в салон с ветром на остановке
И села на руку мне божья коровка.

С билетом и с ней скоро выйду на улицу.
Билет проглочу, а она улетучится.
И дальше со счастьем пойду невесомо
По глобусной точке, по краю родному!

КИРПИЧНЫЙ БУНТ

У соседа, возле дома,
Верьте, верьте, — я не вру! —
Этой ночью был суровый
И большой кирпичный бунт.

Кирпичи, что в травке спали
Грудой красной и большой,
В полночь дерзко повставали
Всей огромною толпой.

Лидер тут же объявился.
На скамейку он залез,
Руку поднял и пустился
В политический ликбез.

Он воскликнул — эй, ребята!
Третий год лежать без дел
Нам в траве уже не надо,
Стройки века — наш удел!

Вон, забор. За ним избушка,
Рядом с ней гараж растет.
Нам туда дотопать нужно,
Там раствор нас верный ждет!

Кирпичи ко мне помчались.
Видеть было страшно аж,
Как они за дело взялись
И достроили гараж.

Но сосед не верит в правду,
В эту истинную суть.
От меня он хочет завтра
Кирпичи себе вернуть.

Помогите мне соседа
Убедить и поскорей –
Будет временной победа
Над оравой кирпичей.

Если сможет их дождаться
Присоседская трава,
То на бунт затем решатся
И соседские дрова!

СУРОВЫЕ СЛУХИ

Кто-то слухи пустил, что я деспот, тиран,
Самодур, скандалист, дебошир.
Что любому могу дать с плеча по зубам,
И что сам Сатана мой кумир.

И боятся меня, но зато и в слова
Не вставляют поправок своих.
И послушав меня, говорят: «Голова!
У тебя в ней мозгов на двоих!»

А на самом-то деле безумно я добр,
Не люблю тягомотину споров.
И в ответах на критику вовсе не скор,
И довольно покладист мой норв.

Но не ценит толпа адекватных людей
От полемик ужасно далеких.
И поэтому слухи пусть вертятся в ней,
Что я деспот! И очень жестокий.

ТРЁХМАЧТОВЫЙ ГАЛЕОН

Шёл огромный и нарядный,
Прямо в город Лиссабон,
Паруса раздув парадно
Трёхмачтовый галеон.

Кориандр вез в мешочках,
Жемчуга и серебро,
Перец в прочных толстых бочках,
Да и прочее добро.

По морям брёл — мотылялся
По солёным пару лет.
Там и тут он появлялся,
Оставляя пенный след.

Где учтиво, где с угрозой
Он богатства добывал,
Многokrатно шел сквозь грозы
И вplывал в девятый вал.

Испытал цингу и язву,
От ракушек постарел...
Но обратно по компáсу
Он летел и молодедел!

И чем ближе подбирался
В стольный город Лиссабон,
То тем больше осветлялся
Трёхмачтовый галеон.

Скоро он, парадно-чистый,
Паруса раздув бугром,
Вновь вернётся в порт приписки,
В свой родной и милый дом!

В сандалях или сланцах
И даже босиком
Готов я прогуляться
Под вечер под окном.

Мне обуви не надо
И шапка не нужна.
Готов я и под градом
Шататься у окна.

Готов покрыться коркой
Холодной и дрожать.
Но только бы сквозь шторку
Тебя бы увидеть.

Чихну, а ты услышишь,
Как буду я чихать.
Затем ко мне ты выйдешь,
Чтоб в дом к себе позвать.

А дома пожалеешь,
На кухне разместишь,
Дыханием согреешь,
Улыбкой осветлишь...

О том, что дальше вместе
Мы будем вытворять
Сейчас откроюсь честно —
Мне боязно мечтать.

Но, чтоб сбылись надежды
Готов я под окном
Шататься без одежды,
И даже босиком.

НЕВЕСОМОСТЬ

Я познал при нашей встрече
Невесомости поток,
Въехав телом в этот вечер
В белоснежный потолок.

Что конкретно, я не помню,
Вытворяли мы с тобой,
Но при этом крылья томно
Распускались за спиной.

Нам обоим было нужно
В поцелуях сжечь покой,
И легко, и так воздушно
Приподняться над землей!

Постоянно, без падений,
Без боязни вниз упасть,
Возноситься, параллельно
В узелок переплетясь...

А еще нам захотелось
Завтра, с солнцем наравне,
Разглядеть мой след от тела
В потолочной белизне.

ВСЕ РАВНО Я УМЧУСЬ

Убегу все равно отсюда,
Стал замучен твоей я «лаской».
Если ноги ломать мне будешь,
В инвалидной умчусь коляске.

Приковала к тяжелой клетке
Ты цепями мои запястья.
В них вцеплюсь я зубами крепко,
Разгрызая их на запчасти.

Чтоб ни делала, не удержишь
Ни гвоздями, ни минным полем,
Только мысли мои укрепишь
О далекой, но сладкой воле.

Пусть спиной я поймаю пулю,
Или шаг пусть разъест простуда —
Хоть с разорванной в клочья грудью,
Хоть в гробу, но умчусь отсюда.

Ты кому хочешь счастье? Себе? Или ей?
Если ей, то оставь её дом поскорее.
Если хочешь себе, – то давай же, смелей,
Мучай дальше её, чтобы сделать своею.

Оттолкни всех друзей, разгони всех подруг,
И вообще, заминируй любые подходы.
Чётко ей объясни и возьми на испуг,
Тем, что ей без тебя только в холоде дрогнуть.

Постоянно ревнуй, постоянно следи,
И не бойся того, что начнёт она чахнуть,
Ведь себе одному ты надумал найти,
Разыскать, раздобыть самоличное счастье.

Ну, а если ты ей хочешь счастье вручить,
То не мучай её столь телесно-ментально.
Отступи, отойди, не мешай больше жить.
И увидишь – она расцветёт моментально!

«НЕ ОШИБКА»

Сверчок трещал назойливо на скрипке,
Сквозняк прохладной шторкою дышал.
А мы с тобой не сделали ошибку
И разошлись под утро не спеша.

Слова ронять старались мы пустые,
В глаза друг другу вовсе не смотреть.
Все верно, мы не сделали ошибку,
А значит и в аду нам не гореть.

Звездáми ход пространства замедляя
Вползала в дом Эдемova змея.
А мы, не ошибаясь, защищались,
И в нас она не выпрыснула яд...

Ура! Мы совершили «не ошибку»!
И разошлись под утро не спеша...
Но сердцу стало холодно и зыбко,
И тяжестью наполнилась душа.

* * *

Ты побудь немного со мною.
Видишь, мир стал безоблачно пуст.
Всё, что раньше роднило с тобою
Под заснеженный сгнуло хруст.

Видишь, сердце морозом задело,
Придавило осколками льда.
И мечта о тебе обмелела —
Ведь замерзла в округе вода.

Мир стал тихим, уютным, покорным
Под влияньем Великой Зимы.
Лишь единое слишком нескромно
В «Я» и «Ты» развалилось из «Мы».

Видишь, ветер, своим опахалом
Над землей утомленно завис.
И мечтать можно вновь о немалом! —
Лишь бы силы на это взялись.

Не спеши, ничего ж не мешает,
Тишиною небес подивись.
И пускай же душа застывает
И не тянет не ввысь и не вниз.

Если врать, то до синей луны,
Если правду — то до скандала.
Если спор, то большой длины,
Если бить, то чтоб разломалось.

Без сомнений и полумер,
Лишь по полной, а не по дозам.
Без раздумий ногой в карьер,
Носом в гнезда к свирепым осам.

Если драться, то только за честь,
Если пить, то до полной отключки.
Если надо, то будет лесть,
Если хочешь — то пусть колючки.

В руки флаг и медаль на грудь,
Талисманов в карманы пачки.
Вдох и выдох, и смело в путь.
Только смело — никак иначе!

Убери от нее маслянистый свой взор,
Взор, который кладет на сокровища вор.
Пусть способен порой адекватным я быть,
Но от гнева могу и случайно убить.

Ты азарт усьмири, ведь она не пари,
Мысли страсти своей лучше сам умори.
Успокойся, молчи и забудь про расчет,
Не мурлыч на нее, словно мартовский кот.

Ну какой тут расчет? Ведь она — идеал!
Идеальней ее я других не видал!
Ведь она божество! Бесподобна она!
Ей подвластны Земля, Солнце, Звезды, Луна!

Ты добиться ее не способен совсем,
Заманить, приковать абсолютно ничем.
И в надежды ее, в сердце, душу, мечты
Скоро я попаду, а никак уж не ты!

— Я вернусь, — сказал он исчезая.
— Я дождусь, — воскликнула она.
Холодом внезапным догорая
За окном закончилась весна.

Год земной неспешно распылился,
Новый срок весна свой отжила.
И назад он к ней не возвратился...
А его она и не ждала.

Чем, товарищ мой, занимаешься?
С кем встречаешься – разлучаешься?
Как питаешься? Где ты бегаешь?
Что в мгновения эти делаешь?

Ну, а я сейчас словно сел на мель.
Впереди лишь мрак, да глухой тоннель,
И глубокая червоточина
Въелась в мысли мне от пощечины.

Не могу один молча мучиться,
По словам успел я соскучиться.
Чтобы до конца не расклеиться
Надо поскорей мне развеяться.

Как бы встретиться нам товарищ мой?
Хоть на улице, можно и в пивной.
Рассказал б тебе, где на мель засел,
Где судьбу свою погубить успел.

Как-то сахарно и без боли
Льются часто стихи на свет.
В них бы всыпать щепотку соли,
Слово «Да» заменить на «Нет».

Сделать так, чтобы в книгах даже
Поистерлись бы строф черты.
И обсыпать скрепящей сажей
Зарифмованные мечты.

В бочку меда засунуть дегтя
Ложек этак примерно шесть.
Ну а после, немного морщась,
Мед до капли последней съесть.

Ведь не выживешь в этой жизни,
Если в помощь возьмешь себе
Поэтическую лиричность
Наставлением по борьбе.

Только проза учить способна,
Создавая любой закон.
Только ей наслаждаться можно,
Отделяя от яви сон.

ЭРА ПАРА

Притихший стоит, без воды и углей,
Не верящий доле музейной своей,
Прикованный к рельсам набором колес,
Сияющий краской большой паровоз.

Могучий и крепкий по-прежнему он.
Но выхода нет у него на перрон.
Пускай паровоз был не очень-то старый,
Но эра прошла вездесущего пара.

На смену пришли дизель-локомотивы,
Явились огни электричек смазливых —
Их век наступил по просторам державы
Вагонов тягать ежедневно составы.

Не хочет завидовать им паровоз.
Готов он погибнуть, уйти под откос,
Взорваться котлами, с земли испариться...
Но только еще бы разок прокатиться!

РОСЧЕРК СВЕТА

Чиркнул свет по автотрассе
С кратким шорохом резины.
Разъерошил свой вихрастый
Чуб туман немножко пыльный.

Шум исчез автомобильный,
Тишина опять явилась
И расческою чернильной
На асфальт чуб уложила.

Ночь и темень, воздух влажный
Растревшись на мгновенье,
Развалились вновь валяжно
Во дворе, среди растений.

Но обманчиво все это,
Ночь не дремлет, а сучает
И внезапный росчерк света
Снова выглядеть желает.

ГОЛОС ИЗ ЛУЖИ

То ли нужно здесь заплакать,
То ли можно рассмеяться —
Мне привычно стало падать
И привычно подниматься.

Унижений с похвалами
Я хлебнул бочонков триста —
То обласкан был словами,
То гнезвился в черных списках.

Вновь упал и в жидкой грязи
Замарался весь по шею.
Но в поход из грязи в князи
Снова двинуться посмею.

А сейчас же, бултыхаясь,
Размышляю — вот потеха! —
То ль от слез мне рассмеяться,
То ль заплакать после смеха.

Способны люди за грош убить,
Любую ценность пропить на ужин,
Сжигать картины, дворцы крушить,
С ухмылкой пачкать сердца и души.

Способны люди плевать на всё,
На всё, что цели людской мешает.
Способны выдать свершённый грех
За совершенство земного рая.

Способны грабить, способны рвать,
Способны грязнуть в совместном блюде,
Способны резать, давить, топтать
И ненавидеть способны люди.

СТЕНЫ И КАМНИ

Если я настырно буду
Биться в стену головой,
То стена безвольной грудой
Рухнет все же предо мной.

Только с виду стены вечны,
Неприступны лишь в мозгах,
Изнутри же сеткой трещин
Изъедает стены страх.

Возвышаются преграды
Слева, справа, впереди.
Их высокие громады
Невозможно обойти.

Если надо, ты пробьешься,
Если хочешь — сквозь пройдешь.
Если тверд, не разобьешься,
Если смел, не пропадешь...

На пути своем к свободе,
Для журчания в ручьях,
Даже камни могут воды
Обращать в песочный прах.

ЛЕНЬ И СИЛА

Кто лентяй, тот неподвижен,
Кто подвижен — не лентяй.
Эй, приятель, к лучшей жизни
Посмелей давай, вставай!

Мы свернём любые горы,
Пальмы высадим в тайге.
Разольём в Сахаре море,
Извлекаем тьму в муке.

Кто силен, тот может много,
Кто немного — не силен.
Меж зубов в оскал тревогам
Молотком забьём пистон!

Очищать начнём с тобою
Свет от скверны мы вдвоём.
Кривды, слёзы, боль и горе
Под замок в подвал запрём.

В ногу мы пойдём по жизни
Шагом лёгким, так и знай! —
Кто лентяй, тот неподвижен,
Кто подвижен — не лентяй!

ЗЕМНЫЕ МЫСЛИ

Губки, носик, взор лучистый!
Что ж ты сделала со мной?
Ты ж мои земные мысли
Приподняла над землей.

Притяжение к планете
Начал напрочь забывать.
И твои магнитят плечи
Так, что взгляд не оторвать.

Я свою пытаюсь личность
Всесторонне остудить...
Ну, а если примагничусь,
Что мне делать? Как мне быть?

Плюс и минус мчатся к встрече,
Их, увы, не разогнать.
Им от встречи станет легче?
Не могу об этом знать.

Раз не знаю, прочь сомненья!
Пусть и дальше мыслей ход
От земного притяженья
Мчится в чистый небосвод!

ДОЛГ

Долг простил тебе лишь я, да и только.
На иное не надейся нисколько.
И меня призвать опять ты на помощь,
Как бы больше не старался, не сможешь.

Хватит в жизнь мою вливать вёдра дёгтя,
В нём уже я замарался по локти.
Отступи ты от меня наконец-то,
Для других освободи в мыслях место.

Ты же смог мои последние годы
Облепить протухшей тиной болотной.
Уходи, и знай теперь между нами
Дружба сгинула совместно с долгами.

БУЛКА ВАНИЛЬНАЯ

Булку ванильную с маслом и сахаром
Утром под кофе горячий я съем.
Сил наберусь из обычного завтрака
И окунусь в мир житейских проблем.

Будут проблемы ходить, издеваться,
Шею затягивать мертвой петлей.
Будут они не спеша изгаляться
В каверзах разных весь день надо мной.

Думы дневными наполнятся страхами,
Станет под вечер от них тяжело...
Съем-ка, я булку ванильную с сахаром,
Чтобы хоть утро чуть слаще прошло.

КАК ЖЕ ДОЛГО Я ЖДАЛ

Как же долго мечтал, как же долго мечтал
Оказаться в твоих я объятьях.
И безумно желал, и безумно желал
Уронить с тебя легкое платье.

Чтоб к моим волосáм, чтоб к моим волосáм
Руки страстно твои прикоснулись.
И к твоим что губам, и к твоим что губам
Мои губы надолго прильнули.

Свысока нам луна, свысока нам луна
Серебро в дом смущенно вливала.
И для нас тишина, и для нас тишина
Шумный мир до утра обузда.

Вышло все, как мечтал, вышло все, как мечтал —
Я в объятьях твоих оказался.
Как же долго я ждал, как же долго я ждал.
Как же долго я ждал!.. И дождался!

Я желаю, чтобы в каждое мгновение
Было солнечным твое бы настроение.
Чтоб улыбка бы сияла обаятельно! —
Ей зажечься помогу я обязательно.

Я хочу судьбы твоей переживания
От тебя укрыть на дальнем расстоянии,
Заменить их на реальность дней уютную
И надежду очень верную и чудную.

И готов служить совсем без утомления
Постоянно твоему я настроению.
Если надо, то сниму и темной ночью
Для тебя с небес пылающую звездочку.

Эта помощь-то совсем не бескорыстная,
Но при этом совершенно очень чистая.
Ведь от чувств твоих без тяжести сомнения
И мое зажжется солнцем настроение!

Успокоилось ненастье
Долго-многодневное.
Солнце вышло — это к счастью!
Светлому и верному!

Задышалось моментально
Лучше, чем до этого.
В тень бросают блеск хрустальный
Лужи перегретые.

Солнце томно приласкало
Все, что нос повесило —
Все, что с жизнью распрощалось,
Вновь закуролесило!..

И такое ежечасно
Всюду подтверждается,
Что на землю без ненастья
Счастье не является.

РАБЫНЯ

Ты же вроде бы рабыня,
А ведешь себя хозяйкой.
Ну-ка, кнут скорей двужильный
И суровый в руки дай-ка!

Нет, пороть тебя не буду,
Лучше в спальню ушагаю,
Там, из винного сосуда
Хмель до дна испить желаю.

И себя потом кнутом я
Самолично отстегаю,
А затем, глядишь, и вспомню
Кто здесь все-таки хозяин!

ПОЧТИ БОЖЕСТВЕННЫЙ КРАСАВЕЦ

Смахнул рукой с пуховика
Комки налипшей снежной ваты.
Ты глянь, какой издалека
К тебе пришел я весь опрятный.

Отмыт, под шапку сидит
Довольно модная прическа.
И свой неряшливый «прикид»
Сменил на блеск изящный, с лоском.

Всмотришь в меня! Я стал другим!
Почти божественным красавцем!
И не ужель зубам своим
Ты дашь опять со мной кусаться?..

К твоей двери я подошел,
Собрался громко постучаться...
Но передумал и ушел,
Вновь не желая унижаться.

ДЫМ

Тихо, без суеты,
Дым над трубой вздымался.
Прочь уходила ты.
Я же стоять остался.

Возле ноги лопух
Тело прижал к полыни.
Был разговор наш сух,
Суше ветров пустыни.

Прочь уходила ты,
Ставя в романе точку.
А вдоль тропы кусты
Мяли свои листочки.

Стало трудней хватать
Воздух, желанный легким, —
Сложно его «достать»
Бедным и одиноким.

Нет, не считай, не ты
Так мне дыханье сбила,
Просто прогорклый дым
Ветром к земле прибило...

Есть куда сходить, а не желается.
Есть что выпить, но сейчас не хочется.
На душе тоска зубами точится.
И совсем, увы, не исчезается.

Ёжат под ветрами сосны головы.
Им, как мне, прохладно и невесело.
Ливень, озверевший от агрессии
Ржавым барабанит в окна молотом.

Мне бы в день дождливого смятения
Несколько часов унылых сдюжить бы.
А потом, укутавшись в забвение,
Спать улечься сразу после ужина.

* * *

Расцвело с утра похмелье
В тусклом взгляде мутных глаз —
Хорошо, что воскресенье
Есть в неделе только раз.

Друг, с тобою в алкоголе
Утопали неспроста —
Пили мы за ветер вольный,
Самолеты, поезда.

Пили мы за честь России,
За героев прошлых лет,
За футбол, за индустрию,
За театр и балет.

И за мир в огромном мире
Без воинственных угроз
Мы с тобою тоже пили
Под крепчающий мороз.

Пили много, пропивали
Боль, измены, ложь, позор —
Мы совместно подписали
Им смертельный приговор...

Ночь прошла, гудит похмелье,
За окном рассвет сейчас —
Хорошо, что воскресенье
Есть в неделе только раз.

* * *

Я тебе не зайчик с Энерджайзером,
Не могу работать за троих –
В мозговых настройках эквалайзера
Дисбаланс имеется в твоих.

Хочешь, кипятись пузатым чайником,
Пыхая рассерженным свистком,
Но, вот, адекватным стать начальником,
Ну ни как тебе, брат, не дано.

Доступ ты имеешь к сладким пряникам,
Держишь кнут за твердый корешок...
Но, как был до этого ты маленьким,
Так и не порос ни на вершок.

ПРОЩАЙСЯ С ЖИЗНЬЮ!

Прощайся с жизнью! Пошли в атаку!
Хотят на волю из ножен шпаги!
Поднадоело дрожать – бояться.
Довольно! Хватит! Пошли сражаться!

Нас только двое, а их тут сотни –
Так значит многих в гробы загоним.
И мы погибнем, всенепременно,
Но без позора, без боли плена.

Грешили часто с тобой, по сути,
Но все грехи нам Господь отпустит.
Грязны мундиры от лежки в поле,
Но мы их скоро отмоем кровью.

Нас и не вспомнят, и нам не надо,
Плевать на славу и на награды.
Для нас важнее судьба отчизны –
Пошли в атаку! Прощайся с жизнью!..

ПРОЩЕНИЕ

Мрачные мысли проникли в разум
Грудой тяжелой, мгновенно, сразу.
Льется сквозь мысли поток эмоций.
Разум в потоке кипит и жжется.
В хищном оскале скривились губы.
Грубые фразы летят сквозь зубы.

Нет, не дается поймать мне силу,
Чтобы страстей удержать лавину.
Только лишь завтра, себя бичуя,
Разум спокойно унять смогу я.
Сердце свое открыв для мщения
Буду просить у тебя прощенья.

На каком, скажи, основании
Ты решилась меня учить?
Ты само-то хоть веришь, что правильно
Научилась на свете жить?

Хватит в рифмы мои преднамеренно
Коррективы свои вносить –
Здесь, мол, слог загудел неуверенно,
Там глагол нужно изменить...

Как хочу, так и бьюсь я с проблемами,
Ошибаюсь, но только сам.
Ну а ты с превентивными мерами
Лучше липни к своим делам.

Хоть сама-то в речах своих длительных
Ты уверена, что права?
Прежде чем говорить поучительно
Разберись-ка с собой сперва.

СМИ

Разглядеть мы способны сенсацию
Абсолютно в любой ситуации.
Там богат урожай на плантациях?
Так виной тому – радиация!

Там сцепились фанаты футбольные? –
Что за мысли такие крамольные? –
На борьбу там за долюшку вольную
Вышли граждане недовольные.

Там не спорт, а сплошная агония,
Кормят бедных спортсменов мельдонием.
И вообще, там на всей территории
Процветает лишь беззаконие.

Мятежи, говорят, в стороне другой?
Это ложь, там сплошной мировой покой,
Там способен создать человек любой
Долгий счастья крик, а не волчий вой...

...Боже, как надоели сенсации
С явным признаком деградации,
Что народам несут в публикациях
Средства массовой информации.

ДНК

В ДНК совы зашито
Ночью пищу добывать,
А у зайцев от лисицы
Непременно убегать.

В ДНК у пчел — стремленье
Мед липучий в улей класть.
У медведей повеленье —
Спать, засунув лапу в пасть.

У кукушек — ложь с коварством,
Жажда крови — в комаров,
В крокодилов — стойкость к рабству,
Ловчий смысл — в пауков.

В ДНК же человека
Непростой вошел настой —
Насыщение и жажда,
Безразличие и боль;
Быть немым и быть сатрапом,
Домоседом, беглецом,
Кровным недругом и братом,
Трусом быть и храбрецом.

Может быть, от смеси этой
Мы неважно так живем? —
И хотим прохлады летом,
И тепла в морозы ждем.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ЖРЕБИЙ

Все, ушла на подъем
С тихим звоном монетка.
Выбирай, твой орел
Или все-таки решка?

Надоел этот спор.
Пусть рассудит случайность,
Кто из нас будет вор,
А кто правды хозяин.

Разногласий метель
Не толкнула чуть было
Нас с тобой на дуэль
До оградки с могилой.

Аргументы давно
Мы сменили на маты.
Крови хочется... Но!
Разве нам это надо?

Рухнет скоро на стол
Рубль с громом свинцовым.
Пусть твой будет орел,
Непростой — двухголовый!

Но неважно какой стороной,
Лишь быстрее бы
Примирил нас с тобой
Металлический жребий!

КАПРЕМОНТ И КВАРТПЛАТА

В двести сорок квадратных метров,
С высоченным, причем, потолком —
Во такую, однажды, пещеру
Я в скале себе старой нашел.

Развернул к ней ближайшую речку,
В стенах окна большие пробил.
В центре выстроил крепкую печку
И углями ее затопил.

Генератор бормочет над паром,
Электричество жарит из ламп.
И тепло, как на дальних Канарах
Под зелеными лапками пальм.

Но прожил, наслаждаясь, в пещере
Я недолго — всего один год.
И в окно залетела из ЖЭУ
Мне квитанция за капремонт.

Капремонт с баснословной квартплатой
На бумажке сидели вдвоем.
И угроза — долги не погасишь,
Мы пещеру твою отберем!

Но такую огромную сумму
Мне никак не по силам собрать.
Посидел я, немного подумал.
И пещеру решил разломать.

Взял кувалду, и бил ей по стенам
До обвала скалистых кряжей –
Получайте, сотрудники ЖЭУ,
В фонд жилищный свой груды камней!

И задумался позже, где жить-то?
Может, выстроить в поле шалаш?
Небольшой, чтобы меньше платить-то
По квиточкам за скромный метраж.

Ты сгубить умудрилась немало сердец,
А потом к моему подкралась.
Улыбаясь в него засадила свинец
И ушла, над забавой смеясь.

Это месть мне за то, что себе добывать
Сам у женщин сердца я любил.
Наигравшись я их обожал разбивать,
А затем не спеша уходил.

За грехи ты мои суд устроила мне,
Взяв деяния все на разбор.
А затем привела в непростой тишине
В исполнение свой приговор.

Я не знаю сейчас, где твоя бродит плоть,
Где ты смеешь, надменная, жить.
Но уверен, что кто-нибудь точно придет,
Чтоб тебе за меня отомстить.

ПО ЦИКЛУ ЗЕМНОМУ

По циклу земному несутся стихи.
Вчера они были просты и легки,
Сегодня решат шаловливо резвиться,
А завтра устанут и станут томиться.

И сердце у них бьется, как у людей –
В тоске поспокойней, в любви посильней.
В них есть темперамент, апатия, страсть,
Желание взять ненасытную власть.

Болезни, ожоги, жара и ветра,
Голодные дни, ледяная вода –
Известно им все! Лишь не могут понять
Простой и стандартный глагол – «Умирать».

Однажды, их автора бог призовет.
Исчезнет поэт, безвозвратно уйдет.
А могут стихи где-то сгинуть на полках?
Да, могут. Но только совсем ненадолго.

Быть может неделю, быть может столетье
Под пыльной они проваляются сетью.
А дальше их кто-нибудь с полки достанет,
И в строки стихов с любопытством заглянет.

И снова в стихах сердце громко забьется,
Любовь с огоньком по словам пронесется.
И снова умчатся по циклу земному
Стихи – и не могут они по-иному!

Вуалью из космической материи
Прикрылся этой ночью небосвод.
Сияют звезды яркие и спелые,
Вращая бесконечный хоровод.

Собака вдалеке развылась дряхлая,
Ей, как и мне, не спится в поздний час.
И в облаках разжиженных барахтаясь
Свет свысока роняет лунный глаз.

Прекрасна ночь до умопомрачения,
До крайних и затертых уголков.
И мне легко от силы притяжения
Бесчисленных вселенских огоньков.

И сам завывать с далекою собакою
Готов я громко — голоса не жаль,
И звездами насытиться я жажду
Закутавшись в небесную вуаль.

Отправляю музу в отпуск.
 Улетай!
Там, где свеж приморский воздух,
 Отдыхай!
На кораблике по волнам
 Прокатись!
И под пальмами по полной
 Набродись!
Ляг на берег, на песочек,
 Загорай!
И себя, всем, чем захочешь
 Наслаждай!
Но не думай мне случайно
 Изменить!
Но не вздумай моментально
 Позабыть!
Без тебя горька мне будет эта
 Жизнь...
Я прошу тебя, скорей ко мне
 Вернись!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Я сам не знаю	3
Алый след от губной помады	4
Чемоданное настроение	6
«С тобой под вечер шалаш-палатку...»	7
На лавке в парке	8
Антарктида	9
«Не считай ты меня несерьезным...»	10
Морозная бессонница	11
«Почему по просторной степи...»	12
Пиши!	13
«Вечер. Подморозило...»	14
«День морозом острым жарит...»	15
«Стало резким все и четким...»	16
«Я жду весеннюю грозу...»	17
Толкатель прогресса	18
Зависимость	19
Пакт	20
«Набор огромный ты знаешь слов...»	21
«Чайник, уют, плита...»	22
Закалка	23
«Ой, держите меня восьмером!...»	24
Если б не увиделись с тобой	25
По привычкам...	26
«Кровь потекла из надбровья...»	27
«Я еще не надышался, не вели мне уходить...»	28
Иероглиф слова «Счастье»	29
Варежки	30
Карандашный набросок	31
«Я ступенек себе напилю из поленницы...»	32
Небывалая краса	33
Двугорбый верблюд по фамилии Кэмел	34
Муравей	35
Желания фей	36

Интересно, расскажите	37
Кошачий гром	38
Тигровая королева	40
Новогодняя	41
Крайний день	42
Ода науке	43
Новости	44
Рогалик эмалевый	45
«Шедевр»	46
Поплавковые души	47
«У каждого свое предназначение...»	48
Сказка — ложь	49
Ты не помнишь меня	50
«Из цветка уходящего времени...»	51
Хоть на край земного шара	52
«Я ж не пес тебе цепной...»	53
Сломался	54
Борьба за план	55
«Катаясь по маленькой точке на глобусе...»	56
Кирпичный бунт	57
Суровые слухи	59
Трёхмачтовый галеон	60
«В сандалях или сланцах...»	62
Невесомость	64
Все равно я умчусь	65
«Ты кому хочешь счастье? Себе? Или ей?..»	66
«Не ошибка»	67
«Ты побудь немного со мною...»	68
«Если врать, то до синей луны...»	69
«Убери от нее маслянистый свой взор...»	70
«— Я вернусь, — сказал он исчезая...»	71
«Чем, товарищ мой, занимаешься?..»	72
«Как-то сахарно и без боли...»	73
Эра пара	74
Росчерк света	75

Голос из лужи	76
«Способны люди за грош убить...»	77
Стены и камни	78
Лень и сила	79
Земные мысли	80
Долг	81
Булка ванильная	82
Как же долго я ждал	83
«Я желаю, чтобы в каждое мгновение...»	84
«Успокоилось ненастье...»	85
Рабыня	86
Почти божественный красавец	87
Дым	88
«Есть куда сходить, а не желается...»	89
«Расцвело с утра похмелье...»	90
«Я тебе не зайчик с Энерджайзером...»	91
Прощайся с жизнью!	92
Прощенье	93
«На каком, скажи, основании...»	94
СМИ	95
ДНК	96
Металлический жребий	97
Капремонт и квартплата	98
«Ты сгубить умудрилась немало сердец...»	100
По циклу земному	101
«Вуалью из космической материи...»	102
«Отправляю музу в отпуск...»	103

Вячеслав Сазанович

Иероглиф слова «Счастье»

Дизайнер обложки Изabella Сазанович